

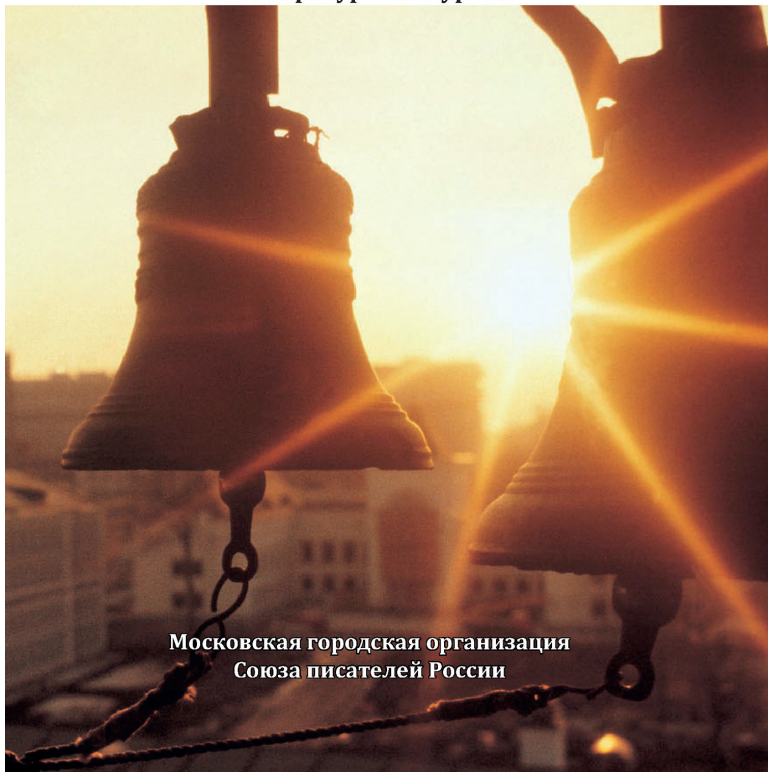
Журнал

№ 1-2, 2019

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

Литературный журнал

Московская городская организация
Союза писателей России

Коллектив авторов
Российский колокол №1-2 2019
Серия «Журнал «Российский колокол»»
Серия «Журнал «Российский
колокол» 2019», книга 1

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354822
ISBN 978-5-00153-075-6

Аннотация

Перед вами первый в новом году номер литературного журнала «Российский колокол». Это – классическое объемное литературное издание для читателя с взыскательным вкусом. Что вы найдете в свежем выпуске? Мы приоткроем завесу: в журнале нет бульварного чтива, сентиментальных любовных романчиков, ироничных детективных рассказов. В «Российском колоколе» представляем только высококачественную художественную литературу, публицистику, литературоведение, драматургию. А также предлагаем вашему вниманию творческие портреты писателей, яркие образы молодых талантливых авторов, их произведения. Имена авторов, которые зазвучат в первом выпуске «Российского колокола», – это знаменитые имена из первых рядов

современной литературы, и те, кто только набирают литературный вес.

Содержание

Слово редактора	6
Современная проза	8
Леонов Анатолий	10
О Шекспире, контрабасе и необоснованных подозрениях	12
Они любят!	17
Синдром Электры	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Журнал «Российский КОЛОКОЛ»

Выпуск № 1–2

Главный редактор Максим Замшев

Первый заместитель главного редактора Александр Гриценко

Шеф-редактор Анастасия Лямина

* * *

Слово редактора

Анастасия Лямина

Член Интернационального Союза писателей, журналист, публицист.

Перед вами первый в новом году номер литературного журнала «Российский колокол». Это – классическое объемное литературное издание для читателя с взыскательным вкусом.

Что вы найдете в свежем выпуске? Мы приоткроем завесу: в журнале нет бульварного чтива, сентиментальных любовных романчиков, ироничных детективных рассказов. В «Российском колоколе» представляем только высококачественную художественную литературу, публицистику, литературоведение, драматургию. А также предлагаем вашему вниманию творческие портреты писателей, яркие образы молодых талантливых авторов, их произведения.

Имена авторов, которые зазвучат в первом выпуске «Российского колокола», – это знаменитые имена из первых рядов современной литературы, и те, кто только набирают литературный вес.

Современная проза

Российский
колокол

Леонов Анатолий

Русский писатель, сценарист. Родился в городе Климовске Московской области в 1963 году. По образованию культуролог.

Член Союза писателей России (СПР) и Международной Федерации русскоязычных писателей (IFRW). Секретарь правления Интернационального Союза писателей.

Победитель литературных конкурсов и международных фестивалей.

Публикуется в России, США, Европе и Австралии. Переводился на венгерский, румынский, немецкий, шведский, итальянский и японский языки.

Один из организаторов и ассоциированный продюсер Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова (<http://morozovfest.ru>).

Живет в Москве.

О Шекспире, контрабасе и необоснованных подозрениях

Сколько слышу: «Ах, Шекспир! Ах, гений!» А что в нем такого особенного? Его в подлиннике даже в Англии никто не читал. Да и вообще – конъюнктурщик. У него, как в китайской Книге Перемен, о чем ни спросишь, все в точку попадет! Вот беру «Гамлета», открываю наугад, читаю, а там принц говорит своему приятелю:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось

нашим мудрецам.

И чего сказал? Сказал-то хорошо, да ни о чем! Так любой сказать может. Сам иногда насмотрюсь на людей вокруг – никакого Шекспира не надо! У меня недавно сосед в поликлинику анализ мочи понес, в бутылочке, а фамилия соседа – Лимонад! Понятное дело, с такой фамилией лучше дома сидеть и лишний раз не высовываться. А уж если довелось, то не ходить по поликлинике с бутылочкой, где фамилия крупными буквами на этикетке написана. Медсестра в лаборатории, не разобравшись в ситуации, чуть было эту бутылочку на голову Лимонаду не вылила и бранилась очень сильно: «Как вам не стыдно! Солидный вроде мужчина, а шутки дурацкие». Сосед оправдываться зачем-то начал. Мол, это фамилия такая, я ее с детства ношу и горжусь! Медсестра не поверила, подумала, что над ней издеваются.

– Интересно, – кричала она в ухо моего соседа, хотя он никогда не страдал глухотой, – какая будет фамилия, когда вы мне анализ кала принесете?

В общем, скандал! Конечно, когда главврач разобрался, извинились и даже сказали: «Приходите к нам еще...» Вряд ли сказали искренне, и настроение у всех, конечно, испортилось. Вот как бывает! Придумал бы английский мудрец такой сюжетец? Да никогда! Высохни его мозги! Уж я-то знаю...

Или вот мой случай. Тоже недавно. После работы. Еду домой. Захожу в трамвай, смотрю – место свободное около де-

вушки с контрабасом. Сел рядом, тихо радуюсь такой оказии в час пик! Подходит ко мне кондуктор, злая такая дама бессмысленно крупного телосложения. Я ей проездной показываю, а она мне ни с того ни с сего заявляет:

– Если захочу, я заставлю тебя платить за твои яйца, как за отдельный багаж.

От растерянности у меня челюсть свело. Но собрался. Отвечаю ей спокойно:

– Тебя чего, тетя, током ударило? Где это написано, чтобы за яйца отдельную плату брали? Вот отращу с контрабас, тогда и приставай.

Кондукторша посмотрела внимательно, ойкнула, замаха-ла руками и убежала куда-то в хвост второго вагона. А народ вокруг от смеха на пол попадал. Девушку рядом так трясло, что свой контрабас она на меня уронила, а потом, извинившись, рассказала, по какому поводу вокруг такое веселье. Оказывается, именно из-за контрабаса. Вредная кондукторша, увидев инструмент, заявила, что за него положено отдельную плату брать. А мужик с корзинкой яиц, что на моем месте сидел, за девушку заступаться стал:

– Это что же получается? – сказал. – Может, мне тогда тоже за яйца платить прикажете?

Кондукторша сразу не нашла, что ответить, и ушла ни с чем. А когда придумала, вернулась. Мужик к тому времени уже вышел на остановке, а я как раз сел. Вот смеяться после такого или плакать? Что Шекспир советует? Да у него,

наверное, и сюжета такого никогда не было. Да точно не было! А вот у меня этих сюжетов – миллион! Бери любой, не ошибешься.

Что далеко ходить. На прошлой неделе отпросился я с работы пораньше. Купил тортик в бакалее, бутылку портвейна в палатке напротив проходной и ветку хризантемы у бабки в переходе, около дома. Решил праздник жене устроить. Просто так, без повода. Вот захотелось вдруг – и все! Пришел домой – и что вижу? Постель разобрана, подушки взбиты. Жены, правда, нигде нет, а в ванне, весь в пене сидит совершенно незнакомый мужик и вопит: «Вер-ка! Ты уже вернулась? Раздевайся скорее, я быстро...»

«Ни фиги себе, – думаю, – пришел пораньше!» Надо было чаще такие праздники устраивать! А мужик из ванны говорит: «А муж-то твой когда вернется? Чайку-то (ржет) успеем попить?» Я прямо растерялся от такой наглости. Зашел в ванную и интеллигентно так говорю: «Чаю, значит, хочешь? Ну я тебя сейчас, обмылок, по самую глотку напою! Ты у меня на всю жизнь напьешься, Казанова пенный».

Сначала я его в ванне утопить пытался, но мужик, даром что хилый, верткий попался, да к тому же намыленный. Он все время выскальзывал и норовил убежать, шлепая босыми мокрыми ногами по паласу. В конце концов мне это надоело, выволок я его за дверь в чем мать родила и спустил с лестницы. Но самое интересное, чего уж я никак не ожидал, мужик попытался обратно в квартиру между моих ног про-

скользнуть. А когда не получилось, намертво уперся руками и ногами в дверную коробку. Осерчал я тут вконец на такое хамство: ну ладно незадачливые любовники, застигнутые на месте преступления, сигают в окно, но чтобы на глазах обратно в дом лезть – такого отродясь не слышал. Разбежался я на пару шагов и дал ему такой знатный пендель, от звука которого задребезжали стекла в подъезде. Противник мой по какой-то замысловатой траектории, считая ступеньки, с минометным воем проскочил лестничный пролет и исчез где-то на нижних этажах.

От всех переживаний выпил я портвейн залпом, прямо из горла, закусил тортиком и стал ждать. Когда жена пришла домой, был я уже на последнем градусе кипения. Руки в боки, глаза навывкате, волосы, как у дикобраза, торчком стоят. «Ну, – думаю, – сейчас я тебе, заразе...»

А она мне с порога:

– Ты чего, один? Где, – говорит, – дядя Петя?

– Какой такой Петя? – отвечаю ей строго, но смятение уже решительно постучалось в мою душу.

– Ах ты гад! – сказала жена. – Ты чего это пьешь? Где, говорю, мой родной дядя из Хабаровска?

Тут я окончательно скис. Я этого дядю живьем никогда не видел, а он возьми и появись. Разница во времени между Москвой и Хабаровском большая. Дядьку сразу в сон потянуло. Жена ему постель организовала, ванну набрала и, чтоб не мешать, к подруге ушла. Ну а дальше вы знаете! Получа-

ется, погорячился с этим дядей. Жена – в истерику. «Где, – кричит, – его теперь искать?» Но я ей спокойно говорю: «Далеко не уйдет, у него для этого костюм неподходящий». Сказать-то я, конечно, сказал, но на сердце тревожно было. Все же мало ли что!

Пошли мы на поиски и действительно через час-полтора нашли его на чердаке. Завернулся, бедолага, в дерюжку какую-то, а на дворе уже конец октября был. Дрожал он от холода и скулил жалобно. Я человек сентиментальный, сразу расчувствовался, извиняться стал, мол, прости дурака, своего не признал. Но дядька с гонором попался. Живо собрал свои шмотки и на прощание в дверях сказал:

– Все, враги мы с тобой смертельные!

С тем и отбыл. А жена со мной три дня не разговаривала и в соседней комнате спала. Одним словом, семейная драма на почве глупого недоразумения.

А вы говорите, Шекспир!

Они любят!

Ненавижу людское бессердечие и жестокость. Ненавижу, наверное, потому, что чувствую свою беспомощность перед этими качествами человеческой природы. Генрих Гейне как-то сказал: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». Не хочу анализировать данное утверждение, но признаю, что подчас сам убеждаюсь в его справедливости,

и история моя – лишь печальная иллюстрация факта.

Однажды, кажется в конце октября (было достаточно холодно, моросил мелкий противный дождь), перед универсамом в одном из спальных районов Москвы я увидел совершенно поразительное существо. Собака, а это была именно собака, одновременно походила на лемура, дикобраза и мифического грифона размером со средней паршивости дворового кота-доходягу. Довольно непривлекательная внешне, она смотрела на людей такими глубокими и добрыми глазами, что, проходя мимо, трудно было удержаться и не погладить ее по лохматой голове. Фамильярные ласки со стороны прохожих собачка принимала с радостной благодарностью и обезоруживающей доверчивостью.

– Это она хозяйку ждет, – сказала женщина, торговавшая у магазина с лотка сигаретами.

– И так каждый день. Бабулька старенькая, ходит плохо, а эта кроха ее все время ждет. Зимой и летом, в дождь и холод. В магазин с собаками нельзя, вот она, как правильная, и сидит снаружи. Досталось ей в свое время от жестокости человеческой, она и привязалась к старушке. Животные – они как люди, им обязательно надо кого-то любить, только любить они могут намного лучше нашего.

– Вот, казалось бы, – показала продавщица на собачонку рукой, – за что бедняжку мучили? Бессловесная и заступиться за себя не может. Ей и лапу заднюю мальчишки отрубили, и бензином обливали, поджечь хотели. А что она плохого им

сделала?

Я поглядел в огромные черные глаза несчастного животного, невольно поражаясь, какое доброе сердечко должно биться в этом маленьком изуродованном тельце, если, несмотря ни на что, она не озлобилась на людей, а, трогательная, с благодарностью сейчас принимала от них ласки, так же, как раньше покорно принимала муки. Что же за существа мы такие – люди, если чужая боль для нас подчас является категорией скорее философской, нежели нравственной?

Размышляя так, я неожиданно вспомнил давнюю историю из детства, которую щадящее время постаралось глубоко запрятать в тайники моей памяти. Когда-то очень давно, когда я ходил пешком подо все, что было выше метра с кепкой, прижился во дворе нашего дома молодой пес, веселый такой барбос, помесь пуделя с двортерьером. Когда точно и откуда он появился, никто во дворе не задумывался. Просто пришел как-то и остался. Детворы в доме было хоть отбавляй, и веселый, общительный пес легко стал всеобщим любимцем. Но сам Ерофеич, а именно так почему-то его прозвали, особенно выделял сторожа Рустама, у дверей квартиры которого он и облюбовал себе место жительства.

Так продолжалось до тех пор, пока жена Рустама не родила ребенка. И тогда шумливого, непоседливого пса стали прогонять от дверей квартиры. А он так любил Рустама и всю его семью, включая того маленького, пахнущего парным

молоком. Он никак не мог уразуметь, за что его гонят прочь, и каждый раз возвращался обратно, под дверь, радостным воем и громким лаем встречая людей, которых считал своими хозяевами.

Однажды, устав от упреков жены, дворник просто увел пса в лес и, привязав к дереву, ушел. Однако, воротясь домой, застал его на пороге квартиры. Ерофеич преданно вилял хвостом, а на шее у него болталась удавка с перегрызенным концом. Мы, дети, узнали обо всем случившемся значительно позже. Впрочем, что бы мы могли тогда сделать? Рустам взял бедное животное за лапы и бил его головой о фонарный столб, пока Ерофеич не затих. Но утром, пришедший в себя, еле живой, он уже лежал на коврике под дверью своего мучителя. Опухший и окровавленный пес с трудом подполз к ногам того, кого считал своим вожаком и другом. Не знаю, понимал ли несчастный и верный Ерофеич, что пришел его конец. Не представляю, что вообще могло твориться в голове бедного животного, но пока в нем теплилась жизнь, он полз к заветному порогу. Полз, возможно, в надежде на справедливость, ибо в своей короткой собачьей жизни так и не успел осознать простой истины: человек не собака и не Бог. Человек есть человек. Зверь, возможно, самый опасный и непредсказуемый из всех живущих на земле зверей. И быть ему таковым, пока самому не станет невыносимо от осознания этого.

Взрослые возмущались поступком дворника, но не все.

Некоторым было все равно. Дети плакали, горько, но недолго. Потом память услужливо затерла неприятное событие. Вот и всё!

Один мудрец как-то сказал: «Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, как родственники своего близкого при его возвращении». Я не знаю, существует ли собачий рай. Но разве не достоин его несчастный Ерофеич, не обижавший при жизни даже окрестных котов и погибший только за свою доброту и преданность? Или бедная собачка-калека, поджидающая свою старую хозяйку у магазина. В чем их вина?

Говорят, мир жесток! Но почему мы делаем его таким? А может, права продавщица сигарет, что стояла около универсама в одном из спальных районов Москвы:

– Собаки – они как люди. Им тоже надо кого-то любить. Только делают они это куда лучше, чем мы!

Синдром Электры

Стук вагонных колес, как плохая мелодия, монотонно и назойливо лез в уши, отдаваясь в висках пульсирующей болью. Словно миллион злобных гномов колотили резиновыми молоточками по истерзанным нервам. Катя приложилась горячим лбом к холодному стеклу окна и молча наблюдала за проносящимися мимо унылыми степными пейзажами, словно закольцованными в один бессмысленный и скучный ки-

нофильм.

В коридоре купейного вагона было пустынно и сумрачно. Только у соседнего окна уже давно пристроился молодой человек аспирантской наружности и, страдая от природной робости, мучительно искал повод заговорить со своей красивой и грустной попутчицей. Он перебрал в уме уже тысячу слов, но ни одного из них не мог произнести вслух. Наконец, собрав всю волю в кулак, заикаясь и потея от страха, он промолвил первое, что вырвалось из его словно обмотанного ватой сознания:

– Чудесный вечер... правда?

Катя оторвалась от окна, посмотрела на робкого юношу отсутствующим взглядом и спросила холодным как лёд голосом:

– Почему они так стучат?

– Кто? – удивленно переспросил растерявшийся «аспирант».

– Колеса, – пояснила свой вопрос девушка.

– О! Это очень интересно, – встрепенулся молодой человек, кажется наконец попавший в знакомую среду. – Дело в том, что рельсы нельзя класть вплотную друг к другу, так как летом металл будет расширяться, а зимой – сужаться. Поэтому между рельсами приходится делать термозазоры. Когда колёсная пара наезжает на разрыв, рельсы прогибаются, и колеса как бы запрыгивают со стуком на следующий участок...

Молодой человек хотел было продолжить свою познавательную лекцию, но осекся на полуслове, увидев в глазах собеседницы только боль и пустоту.

– Почему они так стучат в моем мозгу? – раздраженно спросила Катя. И «аспирант», не найдя, что ей ответить, только смущенно отвел глаза в сторону...

Не было на свете человека счастливее Катюши Егоровой в ее семнадцать лет. Во всяком случае, ей именно так всё представлялось, и, надо полагать, не без основания. Легко жить не задумываясь о будущем. Беззаботное детство. Беспечная юность. Дружная, любящая семья. Статный и красивый отец, предмет тайного обожания и откровенной зависти всех Катюшкиных подруг. Мать – милая и заботливая хранительница домашнего очага. Самый добрый и любящий человек на планете. Хорошая квартира в престижном районе одного из южных областных центров. Элитная английская спецшкола, и отличная перспектива золотой медали по ее окончании. Друзья-мажоры – все как один из лучших семей города. Прекрасные виды на будущее. О такой жизни только мечтать, а иметь ее – уже удача. Не жизнь, а магистраль без перекрестков и светофоров.

По закону жанра, в этом месте повествования должно было последовать слово «вдруг», но в этом-то вся штука, любезные мои, что вдруг с людьми никогда и ничего не происходит. Никогда и ничего! «Вдруг» – это лишь форма речи. Удобное слово для обозначения неведомых причин, влеку-

щих за собой непонятые следствия. Всё свершившееся вдруг – это обычная реальность нашего бытия, которую мы по ряду причин просто отказываемся признавать. Еще старик Вольтер говорил, что случайности не существует – все на этом свете лишь испытание, наказание, награда либо предвестие оных.

Катя в своем наивном неведении счастливого и благополучного бытия просто не замечала тех знаков судьбы, которые и соткали ей то самое неожиданное, к которому, как правило, никто не готов заранее. Она пропустила момент, когда в семье что-то изменилось. Стал реже звучать смех. Куда-то ушло веселье. Мама – директор самого лучшего в городе ресторана – как-то замкнулась в себе, осунулась и потеряла интерес ко всему, даже к работе, без которой раньше не представляла себе жизни. Прежде отец шутил, что ревнует жену к работе больше, чем ко всем мужикам вместе взятым, а теперь воспринимал ее как необходимый предмет интерьера, являвшийся таковым скорее по привычке, чем по необходимости. Возможно, причиной тому было назначение отца главным инженером большого оборонного завода, которому он вынужден был отдавать почти все свое время, с утра до позднего вечера. Приходя домой усталым и опустошенным, он, как правило, валился на диван в гостиной и под трескотню скучных новостей или бездарных сериалов мгновенно засыпал, даже не дождавшись ужина. В кровать его приходилось загонять почти силой. А на следующий день все

повторялось снова. Видела ли Катя изменения в поведении своих родителей? Разумеется, глазами видела, но ее сознание просто не хотело этого замечать. Твой мир тих и уютен, если в нем нет внешних потрясений. Закрой глаза – и не увидишь чужих слез, включи музыку по сильнее – и не услышишь мольбы о помощи. Закрой дверь на ключ – и не заметишь конца света.

Последний раз радость и веселье посетили семью Егоровых весной того года, когда Катя окончила школу, и было это во время выпускного бала. Девушка надела шикарное бордовое платье с аппликацией из розового фламандского кружева, пошитое у какой-то столичной знаменитости за безумные деньги. Мама постаралась как в последний раз. Это платье морально подавило всех выпускниц, каждая из которых втайне мечтала быть первой. Но красавица Екатерина по-королевски позволяла остальным лишь присутствовать на балу. Такое не забывается и не прощается.

Под завистливые и откровенно недоброжелательные взгляды одноклассниц Катя танцевала с отцом белый танец, отобрав его у двух накрашенных до неприличия выпускниц из параллельного класса и всегда снисходительной к ней мамы. От отца головокружительно пахло элитным японским парфюмом и дорогим французским коньяком. Расправив широкие плечи и нежно держа ее за тонкую талию, отец, улыбаясь, говорил, что горд от того, что у него такая красивая и умная дочь. Мама весело смеялась и нежно целовала

их обоих так же, как делала это тысячу раз до того. В тот день Катя была счастлива как ребенок, а утром карета снова превратилась в тыкву. Волшебный сон закончился, а жизнь, такая, как она есть, продолжилась без лишней рефлексии и туманных реминисценций. Умение ценить настоящее до того, как оно станет воспоминаниями, – это тонкое искусство, неподвластное праздному уму, а посему покончим с моралью, ограничившись простой констатацией фактов, последовавших затем событий.

Беда пришла в конце сентября. Катя вернулась из университета поздно, но родителей дома еще не было. Давно перестав удивляться этому факту, девушка наскоро перекусила у раскрытого холодильника, заботливо забитого под самую завязку ресторанными разносолами. После чего, усталая и сытая, она отправилась в свою комнату и спокойно уткнулась лицом в пуховую подушку, ни о чем особенно не думая и совершенно не встревоженная отсутствием отца и матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.